

В.Н. Харузина как историк религии

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 16-18-10083

Аннотация. В данной статье представлены описание и анализ исследовательских работ В.Н. Харузиной, освещающих вопросы истории религии: «Игрушки у малокультурных народов», «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни», фундаментального труда «Этнография». В.Н. Харузина, получившая лишь гимназическое образование и не имевшая возможности обучаться в университете, благодаря неиссякаемому интересу к науке, обширным интересам и знаниям, стала первой женщиной-профессором этнографии в России. Обширный материал, собранный ею во время самостоятельных и совместных с братьями

поездки, нашёл своё выражение в многочисленных очерках, посвящённых этнографическому описанию быта, духовной и материальной культуры народов. Будучи в первую очередь этнографом, В.Н. Харузина не только обобщает и теоретически осмысляет собственный накопленный материал, полученный в ходе экспедиций, но и одной из первых в отечественной науке обращается к общим вопросам истории религии, рассматривая проблемы определения религии, а также использования более узких терминов, таких как фетишизм, тотемизм и анимизм. Знакомство с исследованиями Дж. Фрейзера, М. Мюллера, Ш. де ля Соссе, Э. Тайлора и других учёных, которые внесли вклад в становление «науки о религии», позволило В.Н. Харузиной в ходе своей преподавательской и научной деятельности заложить основы отечественного изучения религии. Статья затрагивает не только вопросы научной деятельности В.Н. Харузиной, но и освещает на основании источников период становления её личности, формирования научных и исследовательских интересов.

Ключевые слова: В.Н. Харузина, история религии, история религиоведения в России, интеллектуальная история, анимизм, шаманизм, фетишизм

Veronika V. Khorina

Vera N. Kharuzina as a Historian of Religion

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project № 16-18-10083

Abstract. The article presents description and analysis of the research works by Vera Nilolaevna Kharuzina (1866–1931) – the first female professor of ethnography standing with her brothers at the origins of the Russian Ethnography – shedding light on questions of the history of religion: “Toys at the People of Little Culture”, “On the Participation of Children in Religious and Ceremonial Life”, and a fundamental work “Ethnography”. She made an invaluable contribution to the promotion and institutionalization of this science in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. V.N. Kharuzina having got only a gymnasium education without an opportunity to study at the university, became the first female professor of ethnography in Russia thanks to inexhaustible interest in science, extensive worldview, and knowledge. The extensive material she collected during the trips, independent and joint ones with the brothers, has been expressed in numerous essays devoted to ethnographic description of life, spiritual and material culture of peoples. Being first of all an ethnographer, V.N. Kharuzina not only generalized and theoretically comprehended data received during the expeditions, but also she was one of the first researchers in national science who addressed general questions of the history of religion considering problems of definition of religion and using narrower terms, such as fetishism, totemism, and animism. Being familiar with the works of eastern researchers such as J. Frazer, F.M. Müller, P.D. Chantepie de la Saussaye, E. Tylor and other scholars who contributed to the establishment of the «Science of Religion», V.N. Kharuzina helped to introduce it to the Russian public during the teaching and scientific activity. The article raises not only the questions of scientific activity of V.N. Kharuzina, but also sheds light on the period of formation of her personality, scientific and research interests.

Key words: V.N. Kharuzina, History of Religion, Religious Studies, intellectual history, science in Russia, Ethnography, animism, shamanism, fetishism

Хорина Вероника Владимировна – магистр религиоведения, лаборант-исследователь института философии Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 9/11; v.khorina@gmail.com

Veronika V. Khorina – Master in Religious Studies, Research assistant, St. Petersburg State University; 9/11 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034; v.khorina@gmail.com

Вера Николаевна Харузина родилась в 1886 г. в семье Николая Ивановича и Марии Михайловны Харузиных. В семье было шестеро детей, трое братьев Веры – Михаил, Алексей и Николай, и двое сестёр – Елена и Ольга (Ольга умерла в четырёхлетнем возрасте, а её образ Вера пронесла с собой через всё детство, представляя сестру своим ангелом-хранителем [Харузина, 1999, 127–128]).

В женскую классическую гимназию С.Н. Фишер Вера Харузина поступает 1882 г. сразу в четвёртый класс и заканчивает её с золотой медалью в 1886 г. После окончания обучения Вера, не имея возможности поступить в университет, по общему состоянию здоровья не решается и на поступление на Высшие женские курсы В.И. Герье (которые в последствии были закрыты до 1900 г.).

В 1892–1893 гг. Вера Николаевна вместе с братом Николаем и сестрой Леной посещает Париж. Там она слушает лекции по истории религии, церкви, семьи и общей этнографии [Керимова, Харузина, 1999, 11]. Именно в Париже, по всей видимости, Харузина знакомится с новой наукой о религии. Среди слушаемых ею профессоров в одном из документов [ЦХД до 1917 года. Ф. 376. Оп. 2. Д. 216. Л. 1] она указывает Л. Марилье – историка религии, профессора религии нецивилизованных народов Высшей школы социальных наук в Париже и редактора журнала *Revue de l'histoire des religions* [Conard, 1902, 50]. Вероятно, что прослушанные лекции этого профессора и последующее изучение его материалов сильно заинтересовали В.Н. Харузину в отношении науки о религии – впоследствии, она многократно цитирует его в своём курсе лекций.

В последующие годы Вера Николаевна посвящает себя самосовершенствованию, она много и усердно занимается, изучает новейшие книги и периодические издания по этнографии, антропологии и истории религии, которые выходили и в России и за рубежом. Тогда же она сопровождает Н. Харузина в экспедициях и начинает публиковать свои первые работы и статьи [Керимова, 2011, 402–404].

В 1907 г., чувствуя необходимость и тягу к образованию, она подаёт прошение в Московский Археологический институт: «Покорнейше прошу Вас принять меня в число вольнослушающих вверенного Вам Института. Я окончила курс в Женской Классической гимназии С.И. Фишер с золотой медалью и слушала публичные лекции, организованные пр. В.И. Герье в 1884–90 – 90–91 гг. и лекции пр-в Флакка, Марилье, Саботье и Ж. Тевиле в Париже в 1892–93 гг. Состою членом Им. Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии» [ЦХД до 1917 года. Ф. 376. Оп. 2. Д. 216. Л. 1]. Интересно, что в том же году она получает предложение читать в этом институте курс лекций по этнографии.

Первой опубликованной книгой В.Н. Харузиной стали путевые заметки, сделанные ею во время совместной с братом Николаем экспедиции по русскому Северу. Книга выходит в 1890 г. под названием «На Севере. Путевые воспоминания». В ней Вера Николаевна, только лишь сопровождавшая брата, проявляет свой интерес к собиранию этнографического материала. Наряду с описанием проделываемого пути, живописных пейзажей, присутствуют живые и яркие заметки из обыденной жизни населения северных регионов России. Уже здесь немалое внимание уделяет Харузина и описанию их религиозно-обрядовой жизни. Путешествуя по Олонецкой губернии, она отмечает характерную ситуацию – на местах, которые раньше были «языческими святилищами», теперь стоят православные часовни. Места эти – так называемые «священные рощи» особо почитаются среди народа. «И как раньше во времена язычества на этих местах происходили гульбища, так и теперь молодёжь идёт веселиться под сени той же самой рощи, не подозревая об её прежнем значении» [Харузина, 1890, 49]. Однако лес, окружающий рощу, принадлежит, по рассказам деревенских жителей, лесному царю – «праведному» могучему властителю, которому прислуживают более мелкие духи. Служат лесному царю, если тот

«увёл скотину», особый обряд, который, по словам автора, «живо переносит нас в эпоху язычества, напоминая нам жертвоприношение» [Харузина, 1890, 53–54]. Язычество сохраняется здесь в заговорах и преданиях, однако, культ лесного властителя по-прежнему сохраняется, чему, несомненно, способствовала сама местность, в которой живут пудожане, и промысел его определяемый¹. Так, например, в районе крупного водоёма Водлозера, где рыбный промысел преобладает над лесным, особо чтут царя водяного. Сохранились в Пудожском уезде и общественные пиршества – «жертвы», где-то, по указанию автора, они сохранились в полной мере, а во многих деревнях лишь в преданиях о жертвенных животных.

Позже В.Н. Харузина публикует отдельные очерки, посвящённые этнографическому описанию некоторых народов России: «Вотяки» (1898 г.), «Лопари» (1902 г.), «Юкагиры» (1904 г.), «Тунгусы» (1928 г.). В каждом из них автор систематически уделяет внимание верованиям и обрядам описываемых народов. Здесь Харузина соприкасается с темой шаманства, и, часто основываясь на трудах учёных современников (Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона), раскрывает достаточно рельефные подробности обрядовой деятельности, сохранившейся у бывших языческих народов. В очерке «Вотяки» записан обряд, совершаемый при выборе нового жреца шаманом *туно* [Харузина, 1898, 21].

В последующие годы научные статьи В.Н. Харузиной выходят в основном в журнале «Этнографическое обозрение». Этот журнал был создан по инициативе Всеволода Федоровича Миллера – близкого друга и наставника Харузиных. Брат Веры – Николай Харузин, бывший учеником Миллера, внёс значительный вклад как в появление, так и в дальнейшее существование журнала, являясь его редактором и автором многочисленных статей [Керимова, 2011, 101–108].

Среди обширного круга исследовательских интересов В.Н. Харузиной невозможно обойти стороной её интерес к изучению игрушки. Из статьи «Игрушка у малокультурных народов», вошедшей в сборник Н.Д. Бартрама «Игрушка. Ее история и значение», становится понятно, что и в этом вопросе Вера Николаевна подходит к исследованию не только как этнограф, но и как историк религии.

Игрушка и детские игры, которым, по замечанию Харузиной, этнографы при сборе материала несправедливо уделяли так мало внимания, дают исследователю не только представления о материальном быте того или иного народа, но и раскрывают особенности его духовной жизни. Автор проводит замечательную аналогию – дети всех народов мира сотворяют игру и забаву из того, что видят вокруг, по лёгкому намёку или едва уловимому сходству, подобно взрослому, который в предметах и явлениях его окружающих, находят те черты, что возбуждают в нём религиозную мысль. Во многих случаях именно детские игры могут содержать в себе отголоски, переживания религиозных обрядов прошлого, а игрушки раскрывать подробности культовой практики. Наблюдая за процессом игры, можно проследить, насколько дети пытаются подражать взрослым, изображая «свадьбу», «дочки-матери» и т.д. Харузина отмечает, что и в сфере религиозной жизни дети ведут себя аналогично, в некоторых своих играх воспроизводя то, что было замечено ими в деятельности старшего поколения [Харузина, 1912, 85–86]. Она отмечает здесь материал Л.И. Шренка, который по своим наблюдениям за гиляцкими детьми писал: «Едва встав на ноги, мальчик забавляется стрельбой из маленького лука в цель или в мнимых животных. Он ездит в санках на щенках и играет в медведя, стараясь подражать тому, что проделывают взрослые на медвежьих празднествах» [Шренк, 1902, 15]. Однако помимо таких игр-подражаний у некоторых народов существует и сознательное вовлечение детей в обрядовое действие. В.Н. Харузина описывает различные способы такого включения, отмечая, разные его причины и роли, отводимые детям в обряде. Так она говорит об обрядах народов, в которые дети допускаются только в качестве зрителей, отсюда и происходит последующие подражание в играх. Иногда дети становятся зрителями или участниками обряда с определённой целью – старшему поколению необходимо передать религиозное мировоззрение, поэтому дети рано начинают наблюдать и воспринимать обряды и празднества как часть жизни своего народа. Для этих целей у различных народов используются и игрушки, они не являются объектом поклонения, но, фактически, служат моделями, чтобы дети в процессе игры «учились религиозным преданиям и символам».

В ранее опубликованной статье «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни» [Харузина, 1911, 1–78] В.Н. Харузина на основе богатого фактографического материала (это отмечал и Л.Я. Штернберг, ссылаясь на эту статью Харузиной в своей работе «Об избранничестве в религии» [Штернберг, 1936, 168]) приводит целый ряд примеров вовлечения детей в обряд именно в качестве необходимых его участников. Участвуют дети и в обрядах, связанных с почитанием умерших: в племенах Tso'о неженатые юноши подают сигнал колокольчиками, призывающий начинать службу, у Polysia на празднике в честь умерших устраиваются бега мальчиков, у африканских народов нанди участвующие в плясках дети изображают опьянённых. Детям в некоторых обрядах предназначаются роли, имеющие важный мифологический характер: хопи раскрашивают и наряжают мальчиков и девочек, которые изображают мифических существ, относящихся к духам предков, а также растительности; у индейцев кора – мальчику отводится роль утренней звезды, а при обрядовом обходе домов девочка изображает мать земли.

В.Н. Харузина приводит многочисленные примеры детского участия в обрядах, однако, она делает ценное замечание о том, что при изучении данного вопроса исследователю стоит быть крайне осторожным, всегда учитывать ту культурную почву, на которой тот или иной обряд зародился и впоследствии укоренился [Харузина, 1911, 16–45].

Возвращаясь к статье «Игрушка у малокультурных народов» из сборника Бартрама, необходимо заметить, что в ней Харузина, уже теоретически осмысляя фактический материал, ставит вопросы, которые не только являются важными для науки о религии, но и были впервые полноценно обозначены в отечественной и зарубежной научной литературе. Так ещё до публикации исследования нидерландского философа Йохана Хейзенги «Homo Ludens. Человек играющий» (1938 г.), она ставит вопрос, который (хоть и с несколько смещёнными акцентами) будет рассмотрен в указанном труде: «Не являются ли сами игры, по крайней мере, некоторые, в основе своей культурными действиями?» [Харузина, 1912, 113]. Исследуя этот вопрос, В.Н. Харузина определяет несколько причин, по которым мы можем ответить на этот вопрос скорее утвердительно: 1) у различных народов некоторые из игр допускаются строго в определённое время, отведённое праздникам, имеющим религиозный характер. В остальное же время они строго запрещены для взрослого населения, однако, на детей данный запрет часто не распространяется; 2) За частью обрядов статус игры закрепляется уже впоследствии, когда сам обряд исчезает, однако прежнее его назначение всё ещё может угадываться в игровом действии; 3) В некоторых культурах особое значение игр, обосновывается мифологией. Игра или некое увеселение даётся народу божеством или культурным героем, или же сами божества и духи являются покровителями игр [Харузина, 1912, 116–118].

Что же касается игрушки, то Харузина отмечает ряд предметов, которые в нашем привычном понимании предназначены лишь для игры, но в тех или иных случаях имели определённо культовое назначение: погремушка, волчок, ходули, мяч, ревун. Приводя примеры использования этих предметов в культовой практике, автор предполагает некоторые варианты того, почему они стали выполнять и роль игрушек: 1) использованию того или иного предмета для детской забавы либо не придавалось серьёзного значения, либо придавалось значение воспитательное, чтобы в процессе игры ребёнок подражал действиям взрослого; 2) предметы эти, являясь бытовыми, в то же время оказывались пригодны для совершения религиозных действий, так они могли принимать значение культовых. В этом случае, замечает автор, происходит сближение обрядовой деятельности и игровой [Харузина, 1912, 118–121].

Схожие вопросы заданы В.Н. Харузиной и в отношении кукол: «Можно ли считать куклу первой и естественной игрушкой ребенка, и не является ли она лишь позднейшим подражанием человеческим изображениям, изготовленным с более серьёзной целью?». Ход мысли автора таков, что изображение человека, создание подобной ему куклы или маски могло быть изначально направлено именно на область жизни, связанную с обрядом, и лишь потом, когда в таких изображениях достигнуты значительные усовершенствования, эти простые куклы (початки, поленца, палочки и т.д.) остаются в качестве игрушки [Харузина, 1912, 131].

К вопросам истории религии В.Н. Харузина обращается уже в лекциях, прочитанных ею в Московском археологическом институте (с 1907 года) и на Высших женских курсах (с 1909 г.), впоследствии опубликованных в одном сборнике. Первая часть лекционного курса² посвящена рассмотрению исторического пути этнографического знания, последовательному обзору положений этнографии и разработке методологии, основывающейся на единстве эмпирического и теоретического подхода. Уже в этой части Харузина отмечает необходимость не только в накоплении этнографического материала из области духовной культуры народов, но и в глубоком его анализе и сравнении, направленном на выведение характерных черт и психологических причин явлений, которые открываются исследователю-этнографу. Важную роль в проведении этого анализа играет изучение языка, его особенностей и эволюции у различных народов, и, что важно, у различных социальных групп внутри отдельного народа. «Язык живёт, видоизменяется, отражает на себе различные фазисы жизни народа, он также подвержен моде, как одежда. В то же время слово нередко хранит след совершенно исчезнувших отношений» [Харузина, 2007, 247] – пишет В.Н. Харузина, отмечая пользу, которую может принести изучение поговорок, бранных слов, имён, локальных названий растений, животных и т.д. при исследовании религиозных представлений того или иного народа.

К вопросу верований, мифов и обрядов Харузина обращается и далее, последовательно описывая различные народы земного шара. Здесь наряду с антропологическими признаками, описанием быта и материальной культуры полинезийских, меланезийских, африканских, южно- и североамериканских и азиатских народов она уделяет большое внимание сказкам, преданиям, их обрядовой и культовой деятельности.

Но именно в части курса, озаглавленной «Верования малокультурных народов», Вера Николаевна в наибольшей степени раскрывается как историк религии.

В первую очередь, она считает необходимым для этнографа обладать необходимым базисом знаний о религии, следить за развитием исследований в этой сфере, за открытиями молодой науки, так как это «даёт ему глубину взгляда, расширяя его культурно-исторический кругозор». Обладавшая именно этой глубиной взгляда Вера Николаевна не только знакомит слушателей с основными понятиями, используемыми в связи с изучением религиозных верований, но и достаточно подробно и последовательно вводит в курс «новой науки о религии». Говоря об условиях, в которых зарождается наука о религии, поясняя причины её возникновения, она представляет основных её представителей, появившиеся методы и подходы к изучению религии, тем самым, фактически, закладывая основы преподавания религиоведения как академической науки. Из методов науки о религии автор отмечает историко-сравнительный и психологический, указывая, что во многих вопросах, наука эта идёт дальше этнографии (хоть и использует её материалы), изучая не только первые ступени религиозных воззрений человечества, но и высокоразвитые религиозные системы. Одним из наиболее ценных даже для современного читателя замечаний В.Н. Харузиной становится упоминание о необходимости внеконфессионального подхода к изучению религии [Харузина, 1909, 135]. Ссылаясь на слова Л. Марилье, она говорит о том, что главной целью науки о религии является не разрешение личных переживаний и мук совести современного человека, а исключительно «определить, каким образом образуются в индивидуальном уме и в социальной коллективности известного рода чувства и ряд представлений, каким образом изменяются эти представления и действия...» [Харузина, 1909, 135].

Критикуя европоцентризм, присущий исследованиям в области религии более раннего периода, когда любые религии кроме христианства назывались ложными, а малокультурным народам вовсе было отказано в признании их религиозности, В.Н. Харузина приводит примеры того, насколько важны знания, рождённые синтезом этнографии и науки о религии. Она утверждает, что народов, не имеющих религии, не существует, а главной неточностью большинства исследователей было само определение религии и сознательное сужение рамок того, что можно религией называть. Так, соглашаясь с определениями религии, данными в последние десятилетия, признавая их неточность, Харузина выводит своё определение религии:

«Религия есть сумма чувств, представлений и выражающих их внешних проявлений, выносящих человека за пределы чисто материальной жизни и отвечающих потребностям духа». Это определение, главным образом, направлено на то, чтобы в него могли быть полноценно включены религиозные воззрения и верования, соответствующие начальным стадиям развития человечества, мифические представления и формы культа. Необходимо также указать элементы, из которых складывается религия, и которые можно обнаружить абсолютно у всех народов, живущих на Земле, их Вера Николаевна отмечает три: вера в сверхъестественные силы «стоящие выше человека, способных оказывать на человека и природу хорошее или дурное влияние» [Харузина, 1909, 136], представления об этих силах или существах, то есть мифология, и, наконец, внешние проявления этой веры – культовая и обрядовая деятельность [Харузина, 1909, 138]. Два последних элемента являются также и основными источниками изучения религиозных представлений малокультурных народов [Харузина, 1909, 148].

В этом контексте В.Н. Харузина затрагивает важный вопрос соотношения мифа и ритуала и представляет спектр взглядов на него.

Относительно происхождения религии автор придерживается точки зрения, согласно которой религия возникает из основных свойств человеческой психики, признавая её вслед за А. Мензисом, результатом «психической необходимости... в основе его лежит сложный комплекс чувств – начиная с чувства зависимости и страха перед неопознанными ещё силами природы и кончая душевными движениями, более возвышенными: благодарностью, набожностью, почитанием» [Харузина, 1909, 194]. Однако Вера Николаевна отмечает, что в вопросах возникновения религии довольно легко поддаться воображению, лишить или присвоить первобытному человеку те или иные характеристики, которыми он мог бы обладать, по мнению исследователя. Поэтому в её представлении самым надёжным методом для науки о религии в данном случае является использование и интерпретация прочных фактов, которыми владеет этнография.

Анимизм – одно из понятий, на котором В.Н. Харузина останавливается подробно, чтобы представить своим слушателям не только само значение термина, но и способствовать верному его пониманию, освещая вместе с тем существующие религиоведческие проблемы и взгляды западных исследователей.

Под термином «анимизм» Харузина понимает «веру в одушевлённость всех явлений и предметов видимой природы, в то, что они все проникнуты тем же жизненным началом, что и человек, который переносит на видимую природу свои внутренние ощущения» [Харузина, 1909, 202]. Придерживаясь эволюционистского взгляда, что религия, как и всё в мире развивается от форм более простых к более сложным, Вера Николаевна, однако, не считает анимистические представления точкой, от которой стоит начинать отсчёт возникновения у человека религиозного чувства. Она представляет его несомненным общим элементом верований малокультурных народов, но не корнем религии в целом. В отличие от Тайлора, она ставит под сомнение наличие (в воззрениях тех или иных народов) в одушевляемой природе «того, что мы привыкли называть, и, не задумываясь, называем душой», отклоняя в связи с этим столь широкое определение анимизма, как веры в существование души или духов. Приводя в пример полинезийские народы, В.Н. Харузина замечает, что слова, обозначающие у этих народов то, что в нашем понимании ассоциируется с душой или духом, изначально несли несколько значений от исключительно телесных и физиологических – «сердце», «кровь» до более абстрактных – «дух», «мужество», «совесть». Таким образом, мы не можем достоверно определить, что в первую очередь должны были выразить эти слова. Поэтому анимизм связывается ею, главным образом, с возникновением у человека осознания двойственности собственной природы, что делает его более сложным, а не примитивным религиозным явлением.

Ещё одним термином, на котором останавливается В.Н. Харузина, является «тотемизм». И опять же, она не ограничивается поверхностным рассмотрением термина и приведением примеров. Талантливый преподаватель, Харузина, подробно знакомит слушателей с содержанием книги Дж. Фрезера «Тотемизм», после чего обстоятельно описывает круг важнейших научных проблем, появившихся в рамках

изучения тотемизма. Она излагает теории возникновения тотемизма, сравнивая и анализируя идеи Ю. Липперта, Джевонса, Дж. Фрезера, Э. Лэнга, выводя из них два основных вопроса, возникших в рамках науки о религии: об универсальном характере тотемизма и о его более точном определении [Харузина, 1909, 268].

Необходимость уточнения определения Вера Николаевна отмечает в связи с ещё одним не менее важным термином – «фетишизм». Вопрос употребления в науке слова «фетишизм» для обозначения целого пласта религиозных воззрений волновал Харузину именно как историка религии. В 1908 году она опубликовала статью «Заметки по поводу употребления слова: фетишизм» [Харузина, 1908, 78–119], содержание которой частично и перенесла в свои лекции. Она считает существующие определения и область их употребления настолько размытыми, что заранее оговаривает этот аспект: «мне придётся беседовать с Вами не об определённой религиозной системе, за какую ещё недавно признавали фетишизм – но только о слове, получившем, правда, весьма широкое распространение и не в одной только этнографической литературе» [Харузина, 1909, 271]. Она подходит к этой проблеме, проводя комплексный анализ как определений, предлагаемых в разное время Ш. де Броссом, О. Контом, Дж. Леббоком, Г. Спенсером, Г. Шурцем и др., так и фактографического материала, ошибочно или верно, по её мнению, относимого к примерам проявления фетишизма у малокультурных народов. Однако в силу специфики этого вопроса, своего собственного определения Харузина не выводит.

В рассматриваемых нами лекциях Вера Николаевна затрагивает также вопрос шаманства, вновь обращаясь к существующим как в этнографии, так и в науке о религии проблемам, связанным с определением и употреблением этого понятия. Она пишет: «Шаманство – не есть стадия развития религиозной мысли; оно – не есть религиозная система, предполагающая определённый комплекс религиозных представлений. Шаманство есть только одно проявление религиозных верований народа, нередко уже очень сложных, покоящихся иногда на политеистических воззрениях» [Харузина, 1909, 450]. Далее, пользуясь современными ей источниками (В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, В.М. Михайловский, В.И. Вербицкий), Харузина подходит к проблеме возникновения шаманства, как представлений о том, «что некоторые лица способнее остальных вступать в сношение с невидимыми силами» [Харузина, 1909, 452], а также более подробному описанию, выявлению специфики и характерных черт шаманства и примерам его проявления у различных народов.

Следуя логике рассказа о шаманстве, Вера Николаевна обращается к ещё одному важному вопросу – проблеме взаимоотношения религии и магии. В связи с этим она представляет анализ взглядов на эту проблему, отражённых в исследованиях Дж. Фрезера, Г. Губерта и М. Мосса, соотнося их с этнографическими данными и др. Автор, однако отмечает, что граница между магией и религией всё же неопределённая, а вопрос этот ещё недостаточно изучен.

В «Этнографии» Веры Николаевны Харузиной нашли своё выражение её основные взгляды и интересы, касающиеся истории религии. Однако необходимо отметить, что она обращалась к этим вопросам и в более ранних публикациях³, в том числе и в журнале «Этнографическое обозрение».

Большой вклад в исследование научного наследия Харузиных, а в частности, жизни и деятельности В.Н. Харузиной, внесла М.М. Керимова, которой удалось собрать несравнимо большое количество материала об этой талантливой семье, а впоследствии и опубликовать его. Благодаря её исследованиям вышли в свет мемуары Веры Николаевны, а в 2011 г. была опубликована монография «Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных». Однако исследований, в полной мере осветивших деятельность В.Н. Харузиной как историка религии, на данный момент не существует.

Данная статья стала попыткой краткого обзора трудов В.Н. Харузиной в свете затронутых ею вопросов, связанных с историей религии. Целью этого анализа является не только формирование представления о Вере Николаевне как об учёном и преподавателе, заложившей среди первых основы для становления истории религии как академической дисциплины в России. Не менее важно в рассматриваемом нами вопросе наметить образ эпохи, интересы русского научного сообщества,

заинтересованность и осведомлённость его членов в сфере новейших западных и отечественных исследований, готовность способствовать ознакомлению с ними более широкой публики – всё это нашло своё отражение в деятельности Веры Николаевны Харузиной.

Библиографический список

1. Керимова, М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных / М.М. Керимова. – М.: Вост. лит., 2011. – 759 с.
2. Харузина, В.Н. Введение в этнографию: Описание и классификация народов земного шара / В.Н. Харузина; ред. и комм. А.М. Золотарева. – М.: МГУ, 1941. – 176 с.
3. Харузина, В.Н. Вотяки / В.Н. Харузина. – М.: Общество распространения полезных книг, 1898. – 48 с.
4. Харузина, В.Н. Заметки по поводу употребления слова: фетишизм / В.Н. Харузина // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 1. – С. 78–119.
5. Харузина, В.Н. Игрушки у малокультурных народов / В.Н. Харузина // Игрушка. Ее история и значение / под ред. Н.И. Бартрама. – М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 85–140.
6. Харузина, В.Н. Лопари / В.Н. Харузина. – СПб.: Н. Морев, 1902. – 38 с.
7. Харузина, В.Н. На севере. Путевые воспоминания / В.Н. Харузина. – М.: Тип. т-ва А. Левенсон и Ко, 1890. – 250 с.
8. Харузина, В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни / В.Н. Харузина // Этнографическое обозрение. – 1911. – № 1–2. – С. 1–78.
9. Харузина, В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / В.Н. Харузина; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 558 с.
10. Харузина, В.Н. Этнография: Курс лекций, чит. в Моск. археол. ин-те и на Высш. жен. курсах в Москве. Вып. I–II / В.Н. Харузина. – М.: Моск. археол. ин-т, 1909–1914. – 592 с.
11. Харузина, В.Н. Этнография: лекции / В.Н. Харузина; подготовка текстов, вступительная статья и комментарии А.Ф. Некрыловой. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – 520 с.
12. Центр хранения документов (ЦХД) до 1917 года, Москва, Ф. 376, оп. 2, д. 216, 2 л.
13. Шренк, Л.И. Об инородцах амурского края. В 3-х т. / Л.И. Шренк. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1903. – Т. 3. – 145 с.
14. Штернберг, Л.Я. Избранничество в религии / Л.Я. Штернберг // Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / под ред. Я.П. Алькора. – Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – С. 140–178.
15. Conrad, L. Leon Marillier / L. Conrad // The Open Court. – Vol. 1902: Iss. 1, Article 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://opensiuc.lib.siu.edu/oecj/vol1902/iss1/6> (дата обращения: 02.11.2011).

Текст поступил в редакцию 24.02.2017.

¹ В.Н. Харузина пишет эти заметки по рассказам жителей Пудожского уезда, в городе Пудожь у Купецкого озера, где население большую часть года работает в лесу.

² Необходимо отметить, мы опираемся на три варианта издания лекционного курса В.Н. Харузиной: Этнография (Выпуск I–II), опубликованный при участии самой Веры Николаевны, по её рукописям в 1909 и 1914 годах; «Введение в этнографию: Описание и классификация народов земного шара», изданный в 1941 году при МГУ под редакцией А.М. Золотарева, а также отредактированные А.Ф. Некрыловой и переизданные в 2007 году лекции В.Н. Харузиной на Высших женских курсах (1911–1912 гг.), собранные к печати по записям слушательниц и опубликованные под названием «Этнография. Малокультурные народы (культура материальная и духовная)». Отличие заключается, в первую очередь, в группировании и объёме материала. Более подробными, на наш взгляд, являются лекции в первом издании, подготовленные к публикации самим автором. Однако два других издания содержат важные комментарии и ряд дополнений, как сделанные самой В.Н. Харузиной, так и редакторами.

³ Так, например, в «Этнографическом обозрении» была опубликована её статья: Харузина В.Н. Заметки по поводу употребления слова: фетишизм (1908, № 1, С. 78–119).

References

1. Kerimova M.M. Zhizn', otdannaya nauke: sem'ya etnografov Kharuzinykh. [Life Dedicated to Science: The Kharuzins Family of Social Anthropologists]. Moscow: Vost. lit., 2011, 759 p. (in Russian).

2. Kharuzina V.N. *Vvedenie v ehtnografiyu: Opisanie i klassifikacija narodov zemnogo shara* [The Introduction to Ethnography: Descriptions of the Peoples of the Earth]. Ed. A.M. Zolotarev. Moscow: MGU, 1941, 176 p. (in Russian).
3. Kharuzina V.N. *Votyaki* [The Votyaks]. Obshhestvo rasprostraneniya poleznykh knig, 1898, 48 p. (in Russian).
4. Kharuzina V.N. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1908, no. 1, pp. 78–119 (in Russian).
5. Kharuzina V.N. *Igrushka. Ee istoriya i znachenie* [The Toy. Its History and Meaning]. Ed. N.I. Bartram. Moscow: Tipografiya t-va I.D. Sytina, 1912, pp. 85–140 (in Russian).
6. Kharuzina V.N. *Lopari* [The Lapps]. St. Petersburg: N. Morev, 1902, 38 p. (in Russian).
7. Kharuzina V.N. *Na severe. Putevye vospominaniya* [In the North. Travelling Reminiscences]. Moscow. Tip. t-va A. Levenson i Ko, 1890, 250 p. (in Russian).
8. Kharuzina V.N. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1911, no. ½, pp. 1–78 (in Russian).
9. Kharuzina V.N. *Proshloe: Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let* [The Past: Memories of Childhood and Teenage Years]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 558 p. (in Russian).
10. Kharuzina V.N. *Etnografiya: Kurs lektsiy, chit. v Mosk. arkheol. in-te i na Vyssh. zhen. kursakh v Moskve* [Ethnography: The Course of Lectures Being Read at Moscow Institute of Archeology and at the High Female Courses in Moscow]. Moscow, 1909, vol. 1, 592 p. (in Russian).
11. Kharuzina V.N. *Etnografiya: lektsii* [Ethnography: The Course of Lectures]. St. Petersburg: Tropa Troyanova, 2007, 520 p. (in Russian).
12. *Tsentr khraneniya dokumentov (CKhD) do 1917 goda* [The Center of Storage of Documents until 1917]. Moscow, fund 376, inventory 2, file 216, 2 fols. (in Russian).
13. Shrenk L.I. *Ob inorodtsakh amurskogo kraya* [About the Foreigners of the Amur Region]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1903, vol. 3, 145 p. (in Russian).
14. Shternberg L.Y. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primordial Religion in the Light of Ethnography]. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa, 1936, 573 p. (in Russian).
15. Conrad L. *The Open Court*. Vol. 1902: Iss. 1, Article 6. Available at: <http://opensiuc.lib.siu.edu/ojc/vol1902/iss1/6> (accessed November 11, 2016).